

ОБЩЕСТВО И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.334.3

Социально-политическое участие с использованием цифровых сервисов: пустой ритуал или подлинное участие?*

Е. А. Карагулян, М. В. Батырева

Тюменский государственный университет,
Российская Федерация, 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6

Для цитирования: *Карагулян Е. А., Батырева М. В.* Социально-политическое участие с использованием цифровых сервисов: пустой ритуал или подлинное участие? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 65–83.

<https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.105>

В статье рассмотрена роль современных цифровых сервисов в вовлечении граждан в социально-политические процессы. На основе опроса жителей Тюменской области дана оценка участия граждан в социально-политических процессах, востребованности населением цифровых сервисов для проявления социально-политической активности, а также возможности этих сервисов обеспечить гражданам подлинное политическое участие. Исследование показало, что для проявления своей социально-политической активности современные сервисы и технологии используют лишь 40 % респондентов. В подавляющем большинстве случаев использование цифровых сервисов или платформ носит неполитический характер (решение собственных жизненных проблем, получение информации, информирование властей). Потребности граждан, связанные с участием в социально-политических процессах посредством электронных сервисов, удовлетворены полностью, но подлинное участие, возможность влиять на происходящие социально-политические процессы эти сервисы гражданам не обеспечивают. Лишь отдельные сервисы сегодня позволяют достичь гражданам высокого уровня социально-политического участия. Большинство цифровых сервисов обеспечивает только символическое политическое участие, но их наличие улучшает систему государственного управления и взаимодействия властей и населения. Мы склонны видеть

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) в рамках научного проекта № 21-011-31407 «“Умные” технологии как средство вовлечения граждан в социально-политические процессы: ожидания и реальность».

даже в неполитическом характере использования цифровых сервисов латентное политическое участие, которое может перерасти в реальное. Использование цифровых сервисов для общества важно, так как они существенно расширяют и аудиторию, и репертуар участия граждан в социально-политических процессах; несут в себе обучающий эффект; способствуют повышению открытости и подотчетности властей перед гражданами. При должном изучении слабых сторон цифровых сервисов и требований граждан по их совершенствованию можно значительно повысить их качество.

Ключевые слова: социально-политическое участие, цифровые сервисы, уровень социально-политического участия, вовлеченность граждан в политические процессы.

Введение

В последние десятилетия под действием научно-технического прогресса происходит расширение и изменение форм участия населения в социально-политических процессах. Это порождает научные дискуссии о том, что именно из перечня форм взаимодействия граждан и властей, опосредованных технологиями, можно считать проявлением политического участия, а также о том, дают ли современные информационно-коммуникационные технологии возможность населению действительно влиять на проводимую властями политику или использование цифровых сервисов для социально-политического участия становится для граждан ритуалом — стереотипизированным способом взаимодействия с властями для получения услуг или информации?

Сама по себе концепция политического участия не является новой. Одной из основополагающих работ в этой области принято считать исследование С. Верба (S. Verba) и Н. Ная (N. Nie), в котором представлен узкий взгляд на политическое участие граждан — авторы понимают под ним «добровольную деятельность отдельных граждан, которая напрямую направлена и влияет на выбор правительственного персонала и/или действия, которые они предпринимают» [1]. К политическому участию отнесены голосование, общение с представителями властей, работа в выборных кампаниях, но не отнесены протестная деятельность, членство в созданных правительством молодежных политических организациях, пассивные и скрытые формы участия, а также гражданское неповиновение и насилие.

Этот подход был подвергнут критике: по мнению П. Норрис (P. Norris), в постиндустриальных обществах граждане все больше отдаляются от традиционных способов участия [2], при этом репертуар политического участия, в том числе из-за активного внедрения современных информационных технологий, увеличивается [3; 4].

В исследовании Я. Ван Дета (Ja. Van Deth) представлена широкая трактовка политического участия, согласно которой оно «включает в себя любую деятельность граждан, влияющую на политику, проистекающую из индивидуальных мотивов и предполагающую выражение собственных политических взглядов» [4, р. 351, 353]. То есть политическое участие состоит как из традиционных форм (голосование на выборах, предвыборная агитация, членство в партии), так и из нетрадиционных, направленных на оказание влияния на политических субъектов (протесты и политический активизм, в том числе в сети Интернет), на решение конкретных проблем сообщества (гражданская активность и волонтерство).

В своем исследовании Я. Ван Дет и соавторы четко определяют основные характеристики политического участия, позволяющие классифицировать современные онлайн-формы проявления социально-политической активности как его составляющие. В исследовании 2018 г. Я. Теохариса (Ya. Theocharis) и Я. Ван Дета (van Deth) и в статье 2021 г. Я. Теохариса (Ya. Theocharis), Дж. Де Мура (J. De Moor) и Я. Ван Дета (van Deth) подчеркивается, что современные цифровые формы участия «систематически интегрированы в многомерную таксономию политического участия» [3; 5].

Учитывая разнообразие современных форм политического участия, большой интерес представляет работа Дж. Экмана (J. Ekman) и Е. Амны (E. Amnå), которые, исследуя политическую вовлеченность населения, выделяют в ней как явные (манифестные), так и латентные, а также индивидуальные и коллективные формы [6]. Авторы отмечают, что явное политическое участие включает в себя все формальные виды его проявления (членство в партиях, участие в выборах), «контактное» участие (направление обращений к властям с целью повлиять на их решения), политический активизм (внепарламентские формы участия), который может расцениваться как законная (подписание или сбор петиций, раздача политических листовок или бойкот, политический консьюмеризм) или незаконная деятельность граждан (участие в незаконных демонстрациях, насильственных протестах, граничащих с беспорядками, порчей имущества, в некоторых случаях действия эко-активистов и прочих групп), связанная с проявлением своих политических взглядов [7].

По мнению этих же авторов, латентные формы чаще всего остаются вне поля зрения исследователей, хотя их изучение имеет большое значение для понимания новых форм политического участия, возникающих в том числе благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий. Дж. Экман и Э. Амна отмечают, что в отдельных случаях может иметь место активная или пассивная форма неучастия граждан [7]. Ссылаясь на работы М. Шадсона (M. Schudson) [8; 9], они упоминают «наблюдательных граждан», которые занимают преднамеренную предупреждающую позицию (заинтересованы в политике, но намеренно избегают традиционных каналов участия, включаясь только тогда, когда почувствуют, что их участие действительно необходимо). К пассивной форме неучастия Дж. Экман и Э. Амна относят аполитичных граждан, не интересующихся политикой и испытывающих отвращение к политическим вопросам, в некоторых случаях настолько сильное, что в отдельный момент оно может перейти в активные действия (например, погромы). При этом авторы задают вопрос, могут ли в какой-то момент латентные или «резервные формы дополитического участия» перерасти в явные. Анализируя практику онлайн-форм политического участия, мы видим, что роль цифровых технологий в переходе граждан от латентных форм к явным действиям велика и призывы к действию в Сети зачастую позволяют мобилизовать граждан на те или иные реальные действия.

Р. Гибсон (R. Gibson) и М. Кантийох (M. Cantijoch) [10] утверждают, что произошло стирание между некоторыми онлайн- и офлайн-формами участия, а их сочетание позволяет повысить политическую активность граждан. Внедряемые в большинстве стран цифровые сервисы и платформы социально-политического участия позволяют развивать как латентные, так и манифестные его формы.

Исследованию специфики общественной активности россиян в онлайн- и офлайн-средах посвящена работа Р.В. Пармы [11], который рассматривает как активные, так и пассивные формы участия, доказывает корреляционную связь между онлайн- и офлайн-формами гражданского участия в социальных и политических процессах. Автор утверждает, что цифровые сервисы для социально-политического участия более интенсивно используют граждане, чаще участвующие в данных вопросах офлайн.

Большинство исследователей, говоря о цифровых формах социально-политического участия, используют устоявшийся термин «электронное участие», или e-participation. Считается, что электронное участие стало развиваться одновременно с внедрением электронного правительства и было нацелено на восстановление доверия граждан к правительственным учреждениям и вовлечение граждан в демократические процессы [12].

Под электронным участием понимается «процесс вовлечения граждан с помощью информационно-коммуникационных технологий в разработку политики и предоставляемых услуг, принятие решений, с тем чтобы сделать их совместными, инклюзивными и совещательными» [12]. Изначально определение электронного участия ООН не охватывало гражданские инициативы или политические дискуссии, которые проходят без правительства в качестве инициатора, модератора или получателя. Однако расширение форм социально-политического участия граждан и взаимодействия властей с ними вынудило учитывать подобного рода инициативы при разработке новых цифровых платформ взаимодействия или совершенствовании существующих.

Несмотря на активное развитие и преимущества цифровых платформ и онлайн-сервисов для взаимодействия граждан и правительства, вопрос об уровне вовлеченности в политическую жизнь и влиянии граждан на происходящие социально-политические процессы остается открытым. Часть исследователей отмечают, что внедрение интернет-технологий в политические процессы и управление существенно расширило формы взаимодействия населения и властей. Другие же исследования доказывают, что большинство электронных форм взаимодействия властей и граждан обеспечивают лишь символическое участие. Среди основных проблем, существенно снижающих эффективность электронного участия граждан, отмечают низкий уровень цифровой компетентности граждан и цифровизации городов/сел [13], невысокое качество предоставляемой гражданам властями информации, отсутствие репрезентативности участников или политической поддержки, неспособность повлиять на процессы принятия решений, нормативные ограничения использования электронных средств для политической пропаганды [14]. Кроме того, органы государственной власти часто не имеют четкого представления о цели и последствиях внедряемых инициатив, что в итоге может порождать разного рода напряженность и конфликты, разочарование и нежелание граждан участвовать в подобных практиках в будущем [15]. Упоминается и о том, что на эффективность цифровых технологий для социально-политического участия влияет уровень индивидуальной мотивации гражданина [16], а также эмоциональная компонента [17].

По мнению С.В. Володенкова и С.Н. Федорченко, потенциал электронного участия остается ограниченным и «определяется функционалом и алгоритмической моделью цифровых платформ», а «ключевым фактором, определяющим

ограничения цифрового гражданско-политического активизма, в настоящее время является фактор интерфейсизации — регламентации и стандартизации действий индивидов со стороны IT-компаний и политических режимов», который лишь создает у граждан ощущение свободы и власти [18, с. 107].

Теоретической базой для оценки степени вовлеченности граждан в социально-политические процессы и влияния на них в рамках настоящего исследования стали работы Ш. Арнстайн (Sh. Arnstein) и Э. Тамбуриса (E. Tambouris), а также методика оценки электронного участия граждан ООН [12; 19–21]. На рис. 1 представлены ступени участия граждан в рамках рассмотренных теорий, описаны уровни социально-политического участия и выделены соответствующие этим уровням цифровые сервисы.

По сути, модель лестницы власти позволяет более тонко отразить всю специфику и разницу степени влияния граждан на социально-политические процессы, прежде всего на уровне муниципалитетов. Теория Ш. Арнстайн по праву стала базовой моделью для оценки участия общественности в различных социальных и политических процессах, в том числе электронного участия граждан [12]. Упрощенным вариантом «Лестницы Арнстайн» можно считать шкалу «Международной ассоциации по участию общественности» (IAP2 Spectrum of Public Participation), шкалу Э. Тамбуриса, а также шкалу, используемую для расчета «Индекса развития электронного правительства» ООН.

В частности, в работе Э. Тамбуриса с соавторами [21] представлена пяти-балльная шкала участия, которая включает в себя те же уровни, что и модель IAP2, но только с прилагательным «электронное» [21]. В рамках исследования «Индекс развития электронного правительства» ООН выделяет три ступени участия: информирование; консультирование; принятие решений. Д. ле Блан и Н. Сеттекаси выделяют четыре ступени электронного участия граждан, также представленные на рис. 1 [12, с. 5].

Обобщая работы Ш. Арнстайн и Э. Тамбуриса и соавторов, Д. Ле Блана (D. Le Blanc) и Н. Сеттекаси (N. Settecasì) [12; 19; 21], можно сделать вывод, что подлинное политическое участие граждан формируется только на высших ступенях, когда граждане получают полную управленческую власть, возможность контроля при формировании и принятии политической повестки и решений.

Существующие на сегодня формы цифрового участия в социально-политических процессах существенно расширяют репертуар участия граждан, позволяют им выбрать с учетом жизненных приоритетов и целей участия наиболее подходящие формы взаимодействия с властями. Это в целом позволяет заключить, что именно модель Ш. Арнстайн является наиболее подходящей, поскольку позволяет более полно и тонко оценить степень вовлеченности граждан в различные социально-политические процессы.

Сама Ш. Арнстайн отмечала, что в реальности можно выделить до 150 различных форм-ступеней социально-политического участия граждан. Ее теория нашла применение в различных сферах, том числе в теории политического маркетинга. Вместе с тем в теории электронного участия граждан ее несколько упрощают, объединяя ступени «неучастия» и «символического участия», предполагая, что цифровые сервисы как минимум обеспечивают «символическое участие граждан». В целом исследование Ш. Арнстайн позволяет классифицировать большинство представленных

	Лестница участия Ш. Аристейн	Лестница участия Э. Тамбуриса и др.	Уровни электронного участия Д. Де Блана и др.	Примеры сервисов
<p>ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ (подлинное участие) Граждане получают всю полноту власти. Граждане могут вести переговоры и находить компромиссы с властями</p>	<p>8. ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ — граждане получают право разработки и общественного контроля реализуемых программ и проводимой властями политики</p> <p>7. ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ВЛАСТИ — граждане получают основные правомочия в реализации отдельных планов и программ, право контролировать данные программы. Власть имущие вынуждены торговаться с гражданами, а не просто диктовать политику</p> <p>6. ПАРТНЕРСТВО — граждане получают право вести переговоры, власть перераспределена между гражданами и властями. Партнерство развивается в тех сферах, где граждане имеют возможность финансово контролировать власть, местных активистов</p>	<p>4. Электронное расширение прав и возможностей</p> <p>3. Электронное сотрудничество</p>	<p>4. Расширение прав и возможностей</p> <p>3. Сотрудничество</p>	<p>Сервисы электронного голосования на выборах, сервисы для общественного контроля и мониторинга, экспертизы законопроектов, сервисы партисипаторного бюджетирования. Сайты для подачи и поддержки петиций</p>
<p>СИМВОЛИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ У граждан возникает ощущение важности их мнения, реального участия. У граждан нет возможности проверить, как выполняются заявленные обязательства, политика</p>	<p>5. УМИРОВОЕНИЕ — предполагает двусторонний канал связи, граждане получают советательный голос, но последнее решение остается за властями</p> <p>4. КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ — предполагает двусторонний канал взаимодействия между гражданами и властями, однако мнение граждан не всегда учитывается при принятии решения</p> <p>3. ИНФОРМИРОВАНИЕ — предполагает односторонний характер взаимодействия</p>	<p>3. Электронное волеизъявление</p> <p>2. Электронное консультирование</p> <p>1. Информирование</p>	<p>Сервисы для обсуждения общественных проблем и голосования жителей по вопросам благоустройства, в том числе с возможностью выдвижения собственных инициатив, обсуждения в рамках Федерального портала проектов нормативных правовых актов</p> <p>Сервисы для опроса мнения граждан, анкетирования</p>	<p>Сервисы для обсуждения общественных проблем и голосования жителей по вопросам благоустройства, в том числе с возможностью выдвижения собственных инициатив, обсуждения в рамках Федерального портала проектов нормативных правовых актов</p> <p>Сервисы для опроса мнения граждан, анкетирования</p> <p>Сайты и сервисы, предполагающие односторонний канал информации со стороны властей (сервисы для подачи жалоб, обращений, информирования властей о проблемах)</p>
<p>НЕУЧАСТИЕ Иллюзорная форма участия</p>	<p>2. ТЕРАПИЯ — предполагает формирование общественного мнения, внимание граждан переводится на менее важные проблемы посредством психологического воздействия</p> <p>1. МАНИПУЛЯЦИЯ — иллюзорная форма участия, при которой граждане приглашают в общественные коллегии с просветительской целью</p>	<p>2. Электронное консультирование</p> <p>1. Информирование</p>	<p>Новостные сайты и сервисы, слабо организованные социальные сети — чаты жителей</p>	<p>Новостные сайты и сервисы, слабо организованные социальные сети — чаты жителей</p>

Уровни участия

Рис. 1. Ступени социально-политического участия в различных концепциях

цифровых сервисов для социально-политического участия граждан, оценить их потенциал с точки зрения реальной возможности влиять на действия властей.

Цель нашего исследования — определить, являются ли современные информационно-коммуникационные технологии средством для проявления социально-политической активности населением Тюменской области, а также дают ли они возможность подлинного политического участия, влияния на происходящие в обществе политические процессы.

Новизна данного исследования состоит прежде всего в ответе на вопросы:

- позволяют ли современные цифровые технологии проявлять социально-политическую активность и достигать подлинного участия в принятии решений на различных уровнях власти жителями сел и городов Тюменской области?
- существует ли разница в характере и целях использования современных цифровых технологий между жителями сел и городов Тюменской области?

Первая гипотеза нашего исследования состоит в том, что большинство имеющих цифровых сервисов не позволяет достичь подлинного участия граждан, но дает возможность взаимодействовать с властями на уровне информирования или консультирования.

Вторая гипотеза состоит в том, что востребованность электронных сервисов жителями отдаленных от областного центра районов, сел и деревень, для которых могут быть затруднительны личные обращения к властям, должна быть несколько выше, чем для городского населения.

Данное исследование проводилось в рамках гранта РФФИ № 21-011-31407, предполагающего исследование эффективности использования современных технологий в целях вовлечения граждан в социально-политические процессы на местном уровне. Следует отметить, что Тюменская область как субъект РФ в последние годы демонстрирует успехи в цифровизации различных отраслей экономики и социальной сферы. В многочисленных рейтингах по оценке уровня цифровизации регион находится на достаточно высоких позициях. В частности, наряду с Москвой, Сахалинской, Орловской, Ленинградской областями и Республикой Крым Тюменская область входит в число регионов-лидеров в рейтинге цифровизации государственных органов¹. В рейтинге качества предоставляемых государственных услуг регион находится на 12-й позиции. В рейтинге регионов по работе в интернете, созданном АНО «Диалог», нацеленном на оценку эффективности обратной связи с жителями городов, Тюменская область занимает третье место, что в целом свидетельствует о высоком уровне цифровизации региона и системы работы с населением. По данным рейтинга уровня цифровой зрелости регионов РФ Минцифры за 2021 г., Тюменская область, как и большинство других регионов страны, имеет средний уровень цифровой зрелости. В исследовании Ю. А. Кабанова, Г. О. Панфилова и А. В. Чугунова, посвященном оценке уровня электронного участия регионов России, Тюменская область также находится в группе регионов со средним уровнем развития электронного участия граждан [22]. Такой разброс позиций в различных рейтингах по оценке уровня цифровизации регионов и эффективности созданных сервисов свидетельствует о существовании слабых

¹ См.: Пресс-релиз Минэкономразвития России // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_podgotovlen_reyting_data_zrelosti_gosorganov.html (дата обращения: 21.12.2022).

мест в реализуемой политике цифровизации, а также в политике трансформации регионального участия жителей Тюменской области. В настоящее время наметилась тенденция к централизации внедряемых в регионах сервисов и платформ для социально-политического участия, но региональные власти продолжают сохранять и развивать существующие уникальные электронные ресурсы, которые могут повысить эффективность функционирования существующей системы электронного участия граждан на региональном и местном уровнях. Имеющиеся в Тюменской области платформы и сервисы, а также инициативы граждан делают ее опыт интересным для других субъектов страны.

Методология исследования

Представленная в исследованиях методология классификации и идентификации цифровых форм социально-политического взаимодействия позволила нам отобрать цифровые сервисы, платформы и технологии, которые имеют возможность использовать жители Тюменской области для проявления своей социально-политической активности.

Базой для данного исследования стал социологический опрос жителей Тюменской области относительно использования, восприятия, удовлетворенности цифровыми сервисами для проявления социально-политической активности граждан (июнь — август 2021 г.; $N = 1200$). Выборка квотная, репрезентирует население юга области по полу, возрасту и месту жительства (г. Тюмень, другое городское поселение, сельский муниципальный район). Для расчета квот использовались данные Федеральной службы государственной статистики на 01.01.2020².

Опрос проводился в онлайн-формате с использованием цифрового сервиса SurveyMonkey. Рекрутинг респондентов осуществлялся на платформах социальных медиа, старшие категории респондентов добирались в ходе уличных опросов. Размещение ссылки на анкету в сообществах всех муниципальных образований Тюменской области позволило обеспечить наличие в выборочной совокупности респондентов из всех городов, городских округов и муниципальных районов.

На первом этапе исследования на основе сопоставления теории и практики были классифицированы формы социально-политического взаимодействия граждан и власти, предполагающие использование цифровых технологий. Далее были отобраны доступные для жителей Тюменской области сервисы и платформы. Они были включены в анкету. В перечень предлагаемых для оценки сервисов попали наиболее популярные платформы и сервисы социально-политического участия, большинство из которых созданы властями (портал «Госуслуги», сайты госорганов, блоги, страницы в социальных сетях представителей властей, партий, сервисы для подачи петиций в том числе и сервисы, связанные с партисипаторным бюджетированием), а также странички местных сообществ в социальных сетях, используемые для обсуждения различного рода проблем и вопросов, голосования. Далее была дана оценка функциональному назначению данных сервисов, проведено ранжирование данных сервисов в соответствии с «Лестницей участия» и возможностью влияния на политику.

² База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 21.12.2022).

На втором этапе была определена доля граждан, использующих современные цифровые технологии для проявления социально-политической активности. Для определения степени вовлеченности и участия граждан в социально-политических процессах была определена доля граждан, являющихся активными членами партий и общественных организаций.

На третьем этапе дана оценка характера, мотивов и целей использования современных сервисов в разрезе пола, возраста, места проживания.

На четвертом этапе на основе методологии Ш. Арнстайн была оценена степень вовлечения граждан в социально-политические процессы, выяснено, позволяют ли современные технологии расширить права и возможности граждан, ощутить подлинное участие в социально-политических процессах (на примере населения Тюменской области).

Результаты исследования

В ходе исследования было выявлено, что 40 % опрошенных жителей Тюменской области используют для проявления своей социально-политической активности электронные сервисы, тогда как 21 % предпочитает традиционные формы участия (личный прием, непосредственную встречу с властями), а еще 38 % заявляют о том, что ничем не пользуются. Кроме того, было определено, что всего 13 % респондентов являются членами партий, из которых 5 % активно участвуют в деятельности партий, а еще 8 % состоят в партиях, но не принимают активного участия в их работе. 14 % респондентов заявили о том, что состоят в общественных организациях, из них 7 % являются их активными членами, а еще 7 % остаются пассивными.

Таблица 1. Средние оценки респондентами востребованности цифровых сервисов³, баллы

Сервисы	Тюмень	Другие города	Село	В среднем по выборке
Портал «Госуслуги» для подачи жалоб, заявлений, предложений	4,21	4,18	4,11	4,18
Сайты, порталы органов государственной власти / Сайт Президента РФ	3,35	3,24	3,20	3,29
Официальные сайты муниципальных образований	3,52	3,39	3,21	3,41
Блоги представителей власти	2,71	2,79	2,68	2,71
Сайт Общественной палаты	2,81	3,02	2,83	2,75
Официальные странички органов власти в соцсетях	2,78	2,93	2,81	2,81
Местные сообщества в социальных сетях	3,24	3,24	3,22	3,23
Страницы партий, депутатов, общественных деятелей в соцсетях	2,63	2,84	2,66	2,68
Сайты для подачи петиций change.org / Российская общественная инициатива	3,20	3,16	2,98	3,13
Мобильные приложения для подачи обращений граждан («Я решаю» / «Активный гражданин» / «Тюмень — мой город» и др.)	3,11	3,00	3,02	3,07

³ Формулировка вопроса: «Оцените востребованность перечисленных в таблице сервисов/технологий для вовлечения граждан в социально-политические процессы по пятибалльной шкале, где 1 — абсолютно бесполезный сервис, не востребован населением, 5 — очень полезный и востребованный сервис (отметьте один ответ в каждой строке таблицы)». Вопрос был позиционирован как обязательный.

Доля партийных граждан среди респондентов в Тюмени ниже средней по выборке и составляет 11 % (в малых городах — 15 %, в селах — 17 %). Различий в ответах на этот вопрос респондентов разного пола выявить не удалось, тогда как в разрезе возрастных групп они прослеживаются. В частности, наибольшая доля участников партий и общественных организаций приходится на возрастную группу 45–59 лет (партийными являются 17 % респондентов; членами общественных организаций — 16 %), а наименьшая — на молодежь — 18–29 лет (членами партий являются 2 %; членами общественных организаций — 12 %). В целом полученные данные показывают, что участие в политических процессах остается малопопулярным занятием для молодежи, несмотря на ее большую активность в сети и более высокий уровень цифровой компетентности, а также предпочтения цифровых форм участия традиционным. Политика более интересна людям среднего возраста.

Самым востребованным сервисом является портал «Госуслуги» — средняя оценка его востребованности выше 4 баллов во всех группах респондентов (табл. 1).

Средние оценки востребованности (3–4 балла) получили официальные сайты муниципальных образований, органов государственной власти, местные сообщества в социальных сетях, сайты для подачи петиций и мобильные приложения для подачи обращений граждан (сервисы расставлены в порядке убывания средних оценок их востребованности).

До начала исследования предполагалось, что востребованность электронных сервисов жителями отдаленных от областного центра районов, для которых затруднительны могут быть личные обращения к властям, должна быть несколько выше, чем для городского населения. Однако эта гипотеза не подтвердилась. Напротив, оказалось, что по большинству сервисов оценки востребованности у жителей городов выше, чем у жителей села, а самые высокие они у жителей областного центра. Данный факт мы связываем с более высоким уровнем цифровой компетентности горожан, позволяющим им более активно осваивать и использовать все эти сервисы.

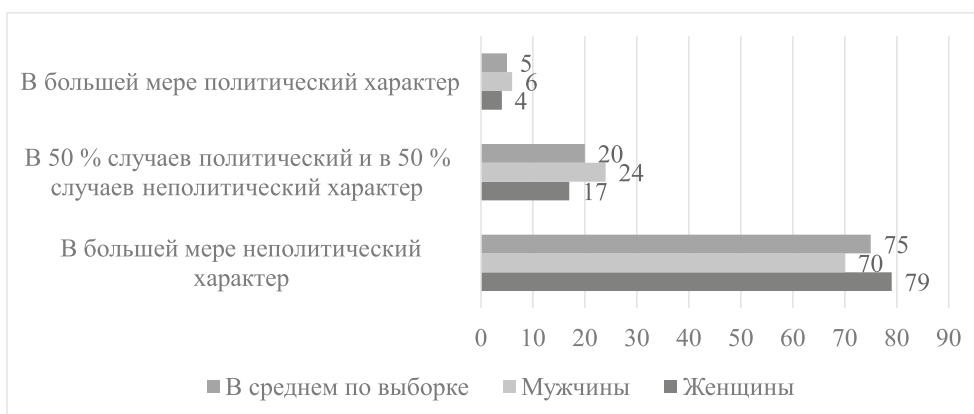

Рис. 2. Характер использования электронных сервисов⁴, %

⁴ Формулировка вопроса: «Мое использование сервисов носит...», доли посчитаны от числа ответивших на вопрос.

В целом большинство респондентов (75 %) указало на то, что использование ими цифровых сервисов имеет в большей степени неполитический характер (рис. 2). Но при этом доля политически активных мужчин в общей численности респондентов чуть выше доли политически активных женщин.

В целом для россиянок характерна более низкая политическая активность, чем в развитых странах ЕС, а также в странах СНГ. Низкая вовлеченность женщин в социально-политические процессы может объясняться недостаточной правовой базой, слабой политической активностью самих россиянок, неразвитостью институтов гражданского общества, низким уровнем развития демократии, традициями, патриархальными стереотипами и т. д. [23]. По данным исследования, проведенного Transparency International Russia⁵, в целом политическая активность россиянок находится на крайне низком уровне, в рейтинге гендерного равенства в политической сфере Россия занимает 122-е место из 152⁶.

Реальная численность женщин в политике крайне мала. Статистика свидетельствует о том, что в России в выборах женщины участвуют чаще, но реже побеждают. Из 26 % участвующих в выборах женщин побеждает всего 2 % из выдвинутых кандидатов. Доля женщин в парламенте Тюменской области составляет всего 10,4 %⁷.

Исследование показало, что чаще всего жители используют цифровые сервисы и платформы для получения социальных государственных услуг и информации о происходящем в городе/селе, информирования властей о происходящем в городе/селе, из желания улучшить жизнь жителей моего города/села, для подачи обращений/петиций в государственные структуры из-за нарушений или ущемлений их прав (табл. 2).

В целом, придерживаясь порядка «Лестницы участия», можно заключить, что в большинстве случаев использование цифровых технологий не позволяет достичь наивысших уровней политического участия, а лишь позволяет говорить об электронном взаимодействии граждан и власти, когда они остаются на уровне информирования или консультирования. Лишь в отношении небольшой доли случаев можно говорить об электронном расширении прав и возможностей граждан. Большинство опрошенных (65 %) обращается к цифровым сервисам для получения различных государственных услуг, сопоставимая доля респондентов (62 %) обращается к этим сервисам для информирования властей или получения информации от них. Около трети респондентов поддерживают чужие или создают собственные гражданские инициативы, и лишь каждый десятый реально участвует в формировании или корректировке политики на местном уровне.

Отдельного внимания заслуживает вопрос влияния пандемии COVID-19 на интенсивность использования цифровых сервисов для электронного участия граждан. В период пандемии правительство стремилось к расширению цифровых сервисов для граждан, к информационной открытости, предполагающей «не просто

⁵ С апреля 2015 по 29 сентября 2023 г. организация находилась в реестре некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента Минюста РФ. Генпрокуратурой РФ признана нежелательной организацией.

⁶ Непредставительная власть // Трансперенси интернешнл — Россия. URL: <https://transparency.org.ru/special/womenassembly/> (дата обращения: 01.12.2022).

⁷ Непредставительная власть.

представление своей деятельности широкому кругу общественности, но и готовность с этой общественностью входить в контакт», для повышения качества принимаемых решений, достижения баланса интересов и контроля [24].

Таблица 2. Цели использования респондентами цифровых сервисов⁸, %

Варианты	Возраст респондентов				Всего
	18–29 лет	30–44 года	45–59 лет	60 и более лет	
Получение социальных государственных услуг (записаться на прием, записать детей в школу, получить путевку и т. п.)	62	69	63	62	65
Получение информации о происходящем в городе/селе	45	41	47	41	43
Информирование властей о происходящем в городе/селе из желания улучшить жизнь жителей моего города/села	15	22	23	15	19
Подача обращений/петиций в различные государственные структуры из-за нарушений или ущемлений моих прав	18	18	17	16	17
Поддержка чужих гражданских инициатив	20	10	13	7	12
Участие в формировании и корректировке проводимой властями политики на местном уровне	8	12	8	5	9
Решение проблем, связанных с предпринимательской деятельностью	9	9	6	4	7

В период введения жестких противоэпидемиологических ограничений граждане были вынуждены активно использовать весь спектр цифровых сервисов, в том числе и для социально-политической активности. Количество пользователей портала «Госуслуги» в 2020 г. увеличилось на 24 млн человек и составило более 126 млн человек. Средняя ежедневная аудитория пользователей портала составила более 4 млн человек, что на 1,5 млн больше, чем в 2019 г.⁹

В ходе опроса респондентов было установлено, что многие жители Тюменской области (62 % опрошенных) в период пандемии стали чаще использовать электронные сервисы для взаимодействия с властями, в том числе 26 % стали это делать намного чаще, а еще 38 % — немного чаще. Довольно значимой осталась и доля людей, у которых активность в использовании цифровых сервисов не изменилась в период пандемии (38 %). Сопоставление ответов на этот вопрос с ответами на вопрос о способах выражения своей гражданской позиции, показывает, что активность, по сути, не изменилась у респондентов, которые и до пандемии никак свою гражданскую позицию не выражали.

Отдельные респонденты при опросе указывали, что при введении жестких ограничений, не имея возможности работать, посылали обращения во все

⁸ Формулировка вопроса: «Для чего Вы чаще всего используете вышеперечисленные сервисы? (отметьте не более трех вариантов)».

⁹ По данным портала Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40942/> (дата обращения: 01.12.2021).

инстанции для получения финансовой поддержки или консультации. В период пандемии гражданами было оформлено более 19 млн заявлений на социальные выплаты, пособия и льготы¹⁰. Кроме того, за 2020 г. существенно расширился и сам перечень государственных услуг, информационных сайтов о эпидемиологической ситуации. В части регионов появилась и возможность онлайн-голосования на выборах или же, как в Тюменской области, выбора участка для голосования. В целом длительные периоды локдауна вынудили граждан использовать весь перечень доступных цифровых сервисов как для получения государственных услуг, так и для проявления своей социальной и политической активности.

В большинстве своем опрошенные (82 %) указывают, что их потребности, связанные с участием в социально-политических процессах посредством электронных сервисов, в настоящее время удовлетворены полностью. Но 2 % респондентов отмечают, что им не хватает обратной связи от органов государственной власти.

Для определения уровня вовлеченности в социально-политические процессы респондентам был задан вопрос: «Дают ли вышеперечисленные сервисы Вам возможность быть услышанными властями, ощущаете ли подлинное участие в процессах управления регионом/городом/селом?» Анализ ответов показал, что подлинное участие в процессах управления ощущают лишь 5 % респондентов, каждый пятый уверен в том, что его мнение важно для властей и обращения будут рассмотрены (этот вариант выбрали 21 % опрошенных). Большинство же (44 %) указало на то, что их мнение либо маловажно, либо они являются лишь источником информации для сбора данных и мониторинга текущей ситуации властями (считают, что их обращения будут рассмотрены формально, без реального решения проблем). Еще 30 % респондентов указали на то, что их обращения являются источником информации для властей, на основе которой последние принимают решения.

Интересно, что 20 % опрошенных имеют в своей практике опыт влияния на принятие решений в управлении селом, городом, областью, страной (табл. 3).

Таблица 3. Наличие у респондентов опыта влияния на принятие решений в управлении селом, городом, областью, страной¹¹, %

Варианты	Пол		Возраст				В среднем по выборке
	мужчины	женщины	18–29 лет	30–44 года	45–59 лет	60 и более лет	
Да	23	18	15	21	19	24	20
Нет	76	82	85	79	81	76	80

Табл. 3 показывает, что доля «повлиявших на принятие решений в управлении селом, городом, областью, страной» выше среди мужчин (23 % против 18 % у женщин). Данный факт в очередной раз демонстрирует, что вовлеченность женщин

¹⁰ Количество граждан, которые воспользовались сервисами единого портала Госуслуг в 2020 г., составило 56 млн человек // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40942/> (дата обращения: 01.12.2021).

¹¹ Формулировка вопроса: «Был ли в Вашей практике случай, когда Ваши действия повлияли на принятие решений в управлении селом, городом, областью, страной?», доли посчитаны от числа ответивших на вопрос.

в социально-политические процессы ниже. В разрезе возрастных групп доля «повлиявших на принятие решений в управлении селом, городом, областью, страной» оказалась наибольшей среди лиц старше 60 лет, очевидно, имеющих больше свободного времени, чем работающее население, для проявления своей гражданской позиции, и большой жизненный опыт.

Основные выводы

Подводя итог, подчеркнем, что цифровые формы социально-политического участия существенно расширяют возможности граждан, однако однозначно утверждать, что большинство из них дает гражданам реальную вовлеченность и власть, нельзя.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что цифровые сервисы стали достаточно популярными, 40 % опрошенных жителей Тюменской области их используют. Тем не менее 75 % респондентов указали на то, что использование ими цифровых сервисов имеет в большей степени неполитический характер (то есть становится скорее ритуалом, стандартизированным образцом взаимодействия с властями для получения информации или услуг), и лишь 25 % отмечают, что используют сервисы для проявления социально-политической активности.

Проанализировав большинство используемых жителями Тюменской области сервисов и применяя к анализу методику «Лестница участия», можно отметить, что часть цифровых сервисов лишь создает видимость политического участия. К ступеням «Манипулирование» и «Психотерапия» отчасти можно отнести участие граждан в различных группах в социальных сетях (чаще всего они слабо организованы и используются в большей степени для обмена мнениями и информацией), а также чаты жильцов, группы собственников в социальных сетях (не дают участникам никакой власти, а создают иллюзию участия граждан и позволяют манипулировать их сознанием).

К уровням «Информирования» и «Консультирования» можно отнести электронные опросы общественного мнения, анкетирования, направленные на сбор властями информации, которая может быть использована для оправдания принятых управленческих решений, в том числе и для манипуляции общественным сознанием. Как отмечает Ш. Арнстайн, правильно составленные опросы позволяют получить властям «нужные» ответы для принятия запланированных решений. «Информирование» в большинстве случаев носит односторонний характер взаимодействия граждан и власти, не предполагает обратной связи, в связи с этим ряд ученых считает, что информирование вообще не может считаться формой политического участия, но включается в него, поскольку без информирования граждан в принципе невозможна демократия.

В случае с «Консультированием» граждане участвуют и получают обратную связь, их мнение выслушивают, но не всегда учитывают при принятии решений. Следует отметить, что большинство респондентов (82 %) считает свои потребности, связанные с участием в социально-политических процессах посредством электронных сервисов, полностью удовлетворенными. Но вместе с тем 44 % респондентов указывают на то, что их мнение маловажно для властей и их обращения рассматриваются формально, без реального решения проблем. Еще 30 %

респондентов указали, что их мнение является источником информации для властей, но они не участвуют в принятии решений и управлении на местном уровне, а лишь информируют власти о происходящем. Только 5 % респондентов считают, что их мнение важно для властей и что они участвуют в процессах управления на муниципальном или региональном уровне.

При использовании цифровых сервисов респондентам не хватает обратной связи, они не видят в них способа «реально влиять на политическую ситуацию». Часть респондентов весьма скептически высказались относительно использования цифровых сервисов для проявления социально-политической активности, а также самой возможности открыто высказывать свое мнение или политические взгляды в сетях. В частности, в ответах респондентов встречались высказывания типа «Сервисы работают, а ситуация не меняется», «Нет возможности выражать свое мнение без риска блокировки (как например, на страницах исполнительных органов власти)», «Нет возможности воплощать реальные предложения по улучшению ситуации».

Часть цифровых сервисов позволяет гражданам достичь уровня «Умиротворения», когда они могут влиять на процессы принятия решений. На данной ступени гражданам предоставляется совещательный голос, но окончательное решение принимается исключительно властями. Это все сервисы, предполагающие участие в процессах принятия решений посредством голосований на платформах относительно каких-либо проектов, а также те сервисы, где граждане могут выдвигать инициативы по реализации каких-либо идей. На сегодня на уровне муниципалитетов в Тюменской области проводятся конкурсы по разработке проектов благоустройства территорий, продвигаемые через сервисы «Я решаю», «Твоя Тюмень».

К более высоким уровням участия — «Партнерство» и «Делегирование полномочий» — можно отнести такие сервисы, как «Тюмень — наш город», где граждане могут отправить жалобу властям. Опыт показывает, что этот сервис позволяет достаточно быстро и эффективно решить большинство проблем, но, к сожалению, только в сфере городского хозяйства. Скорость реагирования властей при обращении граждан через него достаточно высока, проблемы решаются быстро. Сюда же можно отнести сервис «Твой бюджет», где граждане участвуют в инициативном бюджетировании, но он имеет более высокую эффективность в сочетании с традиционными формами взаимодействия властей и граждан посредством проведения общественных слушаний и обсуждений проектов. Кроме того, система инициативного бюджетирования предполагает также и контроль со стороны населения. К высоким уровням участия, несомненно, отнесем сервисы «Российская общественная инициатива» и change.org, посредством которых граждане могут выдвигать политические инициативы и привлекать внимание к общественно-политическим проблемам. В Тюменской области у граждан пока отсутствует возможность онлайн-участия в выборах, о чем высказала сожаление часть респондентов.

В заключение отметим, что большинство цифровых сервисов относятся к символическим формам участия, но их наличие имеет ряд позитивных сторон, улучшающих систему государственного управления и взаимодействия властей и населения. Несмотря на то что большинство респондентов указали на неполитический характер использования данных сервисов, мы склонны видеть в нем латентное политическое участие, которое может перерасти в реальное. Следует отметить и ряд позитивных

моментов в использовании цифровых сервисов для общества. Во-первых, цифровые сервисы строятся на принципах партисипаторной демократии, когда власть стремится привлечь общественность к решению важнейших социальных, экономических и политических проблем, то есть они существенно расширяют и аудиторию, и репертуар участия граждан в социально-политических процессах. Во-вторых, эти сервисы создают обучающий эффект: граждане получают опыт общения с властями, а в дальнейшем, при желании и проявлении настойчивости, они могут влиять на процессы принятия решений на разных уровнях власти. В-третьих, цифровые сервисы способствуют повышению открытости и подотчетности властей гражданам. В-четвертых, при должном изучении слабых сторон цифровых сервисов и требований граждан по их совершенствованию можно значительно повысить их качество.

Литература

1. Verba S., Nie N. Participation in America: Political Democracy and Social Equality. New York: Harper & Row, 1972.
2. Norris P. Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511610073>
3. Theocharis Ya., Van Deth J.W. The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy // European Political Science Review. 2018. Vol. 10, no. 1. P. 139–163. <https://doi.org/10.1017/S1755773916000230>
4. Van Deth Ja. W. A conceptual map of political participation // Acta Politica. 2014. Vol. 49, no. 3. P. 349–367. <http://dx.doi.org/10.1057/ap.2014.6>
5. Theocharis Ya., De Moor J., Van Deth J. W. Digitally networked participation and lifestyle politics as new modes of political participation // Policy & Internet. 2021. Vol. 13, no. 1. P. 30–53. <https://doi.org/10.1002/POI3.231>
6. Amnå E., Ekman J. Standby citizens: Understanding non-participation in contemporary democracies // Barrett M., Zani B. (eds). Political and Civic Engagement: Multidisciplinary perspectives. London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2015. P. 96–108.
7. Ekman J., Amnå E. Political participation and civic engagement: Towards a new typology // Human Affairs. 2012. Vol. 22. P. 283–300. <https://doi.org/10.2478/s13374-012-0024-1>
8. Schudson M. What if civic life didn't die? // American Prospect. 1996. Vol. 25. P. 17–20.
9. Schudson M. Good citizens and bad history: Today's political ideals in historical perspective // The Communication Review. 2000. Vol. 4, no. 1. P. 1–19. <https://doi.org/10.1080/10714420009359458>
10. Gibson R., Cantijoch M. Conceptualizing and measuring participation in the age of the Internet: Is online political engagement really different to offline? // The Journal of Politics. 2015. Vol. 75, no. 3. P. 701–716. <https://doi.org/10.1017/S0022381613000431>
11. Парма P.В. Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 145–170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>
12. Le Blanc D., Settecasì N. E-Participation: A quick overview of recent qualitative trends // United Nations. Department of Economic and Social Affairs. URL: https://www.un.org/esa/desa/papers/2020/wp163_2020.pdf (дата обращения: 01.12.2021).
13. Смирнов А.В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 129–153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>
14. Panopoulou E., Tambouris E., Tarabanis K. Success factors in designing eParticipation initiatives // Information and Organization. 2014. Vol. 24, no. 4. P. 195–213. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2014.08.001>
15. Royo S., Pina V., Garcia-Rayado J. Decide Madrid: A critical analysis of an award-winning e-Participation initiative // Sustainability. 2020. Vol. 12, no. 4. P. 1674. <https://doi.org/10.3390/su12041674>
16. Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. New York: Public Affairs, 2012.
17. George J.J., Leidner D.E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism // Information and Organization. 2019. Vol. 29, no. 3. P. 100249. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>

18. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 97–118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014>

19. Arnstein Sh. R. A ladder of citizen participation // Journal of the American Institute of Planners. 1969. Vol. 35, no. 4. P. 216–224. <https://doi.org/10.1080/01944366908977225>

20. Gaber J. Building “A Ladder of Citizen Participation”: Sherry Arnstein, citizen participation, and model cities // Journal of the American Planning Association. 2019. Vol. 85, no. 3. P. 188–201. <https://doi.org/10.1080/01944363.2019.1612267>

21. Tambouris E., Liotas N., Tarabanis K. A framework for assessing E-participation projects and tools // 40th Annual Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS'07). Waikoloa, 2007. P. 90. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2007.13>

22. Кабанов Ю. А., Панфилов Г. О., Чугунов А. В. Мониторинг электронного участия в регионах России: результаты исследований 2020–2021 гг. // Государство и граждане в электронной среде. Вып. 5: труды XXIV Междунар. объедин. науч. конф. «Интернет и современное общество», IMS-2021. Санкт-Петербург, 24–26 июня 2021 г.: сб. науч. ст. СПб.: Университет ИТМО, 2021. С. 65–75. <http://dx.doi.org/10.17586/2541-979X-2020-4-61-72>

23. Беляева Г. Ф. Политическая активность женщин в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 1. С. 143–164.

24. Открытость в условиях пандемии COVID-19: дайджест Департамента международного и регионального сотрудничества СП РФ. М.: Счетная палата РФ, 2020. URL: <https://Covid-19-openness.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).

Статья поступила в редакцию 3 апреля 2023 г.;
рекомендована к печати 21 марта 2024 г.

Контактная информация:

Карагулян Егине Араратовна — доц.; e.a.karagulyan@utmn.ru

Батырева Мария Владимировна — доц.; m.v.batyreva@utmn.ru

Social and political participation using digital services: An empty ritual or a genuine participation?*

E. A. Karagulyan, M. V. Batyreva

Tyumen State University,
6, ul. Volodarskogo, Tyumen, 625003, Russian Federation

For citation: Karagulyan E. A., Batyreva M. V. Social and political participation using digital services: An empty ritual or a genuine participation? *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 1, pp. 65–83. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.105> (In Russian)

This article focuses on how modern digital services can involve citizens in socio-political processes. Based on a survey of residents of the Tyumen region, an assessment was made of the participation of citizens in socio-political processes, the demand for digital services by the population for the manifestation of socio-political activity, as well as the ability of these services to provide citizens with genuine political participation. The study found that only 40 % of respondents use modern services and technologies to display their socio-political activity. In the great majority of cases, the use of digital services or platforms is apolitical (solving one's own life problems, getting information, informing the authorities). The needs

* The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research (EISR) according to the research project no. 21-011-31407 “‘Smart’ technologies as a means of involving in social and political processes: expectations and reality”.

of citizens related to participation in social and political processes through digital services are fully satisfied, but these services do not provide citizens with genuine participation and don't give the opportunity to influence ongoing social and political processes. Only a few services today enable citizens to reach a high level of sociopolitical participation. Most digital services provide only symbolic political participation, but their presence improves the system of public administration and interaction between the authorities and the population. We tend to see, even in the non-political nature of digital service usage, latent political participation that can become real. The use of digital services is important for society, as they significantly expand both the audience and the repertoire of citizens' participation in socio-political processes; have a learning effect; contribute to increasing the openness and accountability of authorities to citizens. By properly analyzing the weaknesses of digital services and the demands of citizens for their improvement, one can make significant improvements.

Keywords: social and political participation, digital services, level of social and political participation, engagement of citizens in political processes.

References

1. Verba S., Nie N. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. New York, Harper & Row, 1972.
2. Norris P. *Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511610073>
3. Theocharis Ya., Van Deth J.W. The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy. *European Political Science Review*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 139–163. <https://doi.org/10.1017/S1755773916000230>
4. Van Deth J.W. A conceptual map of political participation. *Acta Politica*, 2014, vol. 49, no. 3, pp. 349–367. <http://dx.doi.org/10.1057/ap.2014.6>
5. Theocharis Ya., De Moor J., Van Deth J.W. Digitally networked participation and lifestyle politics as new modes of political participation. *Policy & Internet*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 30–53. <https://doi.org/10.1002/POI3.231>
6. Amnå E., Ekman J. Standby Citizens: Understanding Non-Participation in Contemporary Democracies. In: Barrett M., Zani B. (eds). *Political and Civic Engagement: Multidisciplinary perspectives* (pp. 96–108). London, Routledge, Taylor & Francis Group, 2015.
7. Ekman J., Amnå E. Political participation and civic engagement: Towards a new typology. *Human Affairs*, 2012, vol. 22, pp. 283–300. <https://doi.org/10.2478/s13374-012-0024-1>
8. Schudson M. What if civic life didn't die? *American Prospect*, 1996, vol. 25, pp. 17–20.
9. Schudson M. Good citizens and bad history: Today's political ideals in historical perspective. *The Communication Review*, 2000, vol. 4, no. 1, pp. 1–19. <https://doi.org/10.1080/10714420009359458>
10. Gibson R., Cantijoch M. Conceptualizing and measuring participation in the age of the Internet: Is online political engagement really different to offline? *The Journal of Politics*, 2015, vol. 75, no. 3, pp. 701–716. <https://doi.org/10.1017/S0022381613000431>
11. Parma R.V. Public activism of Russian citizens in offline and online spaces. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2021, no. 6, pp. 145–170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042> (In Russian)
12. Le Blanc D., Settecasì N. E-Participation: A quick overview of recent qualitative trends. *United Nations. Department of Economic and Social Affairs*. Available at: https://www.un.org/esa/desa/papers/2020/wp163_2020.pdf (accessed: 01.12.2021).
13. Smirnov A. V. Digital society: Theoretical model and Russian reality. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2021, no. 1, pp. 129–153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790> (In Russian)
14. Panopoulou E., Tambouris E., Tarabanis K. Success factors in designing eParticipation initiatives. *Information and Organization*, 2014, vol. 24, no. 4, pp. 195–213. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2014.08.001>
15. Royo S., Pina V., Garcia-Rayado J. Decide Madrid: A critical analysis of an award-winning e-participation initiative. *Sustainability*, 2020, vol. 12, no. 4, p. 1674. <https://doi.org/10.3390/su12041674>
16. Morozov E. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. New York, Public Affairs, 2012.

17. George J.J., Leidner D.E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism. *Information and Organization*, 2019, vol. 29, no. 3, p. 100249. <https://doi:10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>
18. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Digital infrastructures of civic and political activism: Current challenges, risks and constraints. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2021, no. 6, pp. 97–118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014> (In Russian)
19. Arnstein S.R. A ladder of citizen participation. *Journal of the American Institute of Planners*, 1969, vol. 35, no. 4, pp. 216–224. <https://doi.org/10.1080/01944366908977225>
20. Gaber J. Building “A Ladder of Citizen Participation”: Sherry Arnstein, citizen participation, and model cities. *Journal of the American Planning Association*, 2019, vol. 85, no. 3, pp. 188–201. <https://doi.org/10.1080/01944363.2019.1612267>
21. Tambouris E., Liotas N., Tarabanis K. A framework for assessing E-participation projects and tools. *40th Annual Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS'07)* (p. 90). Waikoloa, 2007. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2007.13>
22. Kabanov Yu., Panfilov G.O., Chugunov A.V. Monitoring e-participation in Russian regions: Research results 2020–2021. In: *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoi srede. Vyp. 5: trudy XXIV Mezhdunarodnoi ob'edinennoi nauchnoi konferentsii “Internet i sovremennoe obshchestvo”, IMS-2021. Sankt-Peterburg, 24–26 iyunia 2021 g.: sbornik nauchnykh statei* (pp. 65–75). St. Petersburg, Universitet ITMO Publ., 2021. <http://dx.doi.org/10.17586/2541-979X-2020-4-61-72> (In Russian)
23. Belyaeva G.F. Political activity of women in Russia. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia*, 2008, no. 1, pp. 143–164. (In Russian)
24. *Openness during the COVID-19 pandemic*: digest of the Department of International and Regional Cooperation of the SP RF. Moscow, Schetnaia palata RF Publ., 2020. Available at: <https://Covid-19-openness.pdf> (accessed: 01.12.2021). (In Russian)

Received: April 3, 2023
Accepted: March 21, 2024

Authors' information:

Egine A. Karagulyan — Associate Professor; e.a.karagulyan@utmn.ru
Maria V. Batyreva — Associate Professor; m.v.batyreva@utmn.ru